

А. В. Бородина

Тверской государственный университет, аспирант

Научный руководитель: д.ф.н. В. А. Миловидов

О ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЯЗЫКА В США В КОНТЕКСТЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

Юридический перевод как разновидность специального / институционального перевода предполагает изучение не только естественных, но и профессиональных (юридических) языков в соответствующих языковых парах [Бородина 2017: 39]. В этой связи должен активно задействоваться такой ресурс, как аутентичные документы «с искомой терминологией для выяснения лингвистического окружения термина и его сочетаемости» [Киндеркнихт 2015: 123]. Использование аутентичных документов помогает решить сразу несколько переводческих задач, поскольку такие документы могут дать ценный языковой материал не только для поиска оптимальных переводческих решений при переводе юридической терминологии, но и для осмысления иных лингво-дискурсивных аспектов юридических текстов в ходе предпереводческого анализа текста и дискурса [Бородина 2018: 193–194]. В качестве аутентичных документов для языковой пары английского и русского языков, наряду с юридическими документами, относящимися к различным жанрам и сферам права, целесообразно рассматривать руководства и пособия по юридическому письму и юридическому стилю (*manuals on legal writing and legal style*). Эти пособия, в частности, используются при обучении юристов на юридических факультетах в вузах США – как для американских, так и иностранных студентов (что также подтверждается личным опытом автора статьи во время стажировки в Вашингтонском колледже права Американского университета в Вашингтоне, округ Колумбия). Как правило, в таких пособиях отражаются текущие дискурсивные стандарты, хотя и в «мягкой» рекомендательной форме, для составления / написания текстов юридических документов и правовой корреспонденции, что влияет на формирование юридического дискурса. Изучение данных стандартов даёт переводчикам уникальную возможность ознакомиться с основными дискурсивными и функционально-стилистическими особенностями английского юридического языка «из первых рук».

Анализ содержания и структуры ряда пособий по юридическому письму и стилю позволяет выявить некоторые тенденции, присущие современному юридическому языку в США, среди которых превалирует ориентация на читателя (*reader-based approach*). По всей вероятности, она обусловлена антропоцентрической парадигмой, акцентирующей

прагматические аспекты коммуникации, когда во главу угла ставится человек – реципиент и читатель соответствующих текстов, а к критериям построения текста, наряду с ясностью, связностью, точностью и полнотой изложения при надлежащем соблюдении грамматических, орфографических и пунктуационных правил, добавляется уважительное отношение к читателю (*courtesy*). Ещё одной потенциальной причиной возникновения данной тенденции можно считать исторически сложившиеся принципиальные различия в юридических системах США и Великобритании. Так, например, американская правовая система в целом относится к той же системе общего права, что и Великобритания, но с важной оговоркой – она включает писаное право, тем самым противопоставляя себя праву Англии: «*those who pledged their lives, fortunes and sacred honors to achieve independence and establish a new nation wanted to get things in writing. The British king and parliament had unwritten tradition as their guide*» [Sarasin 2014: 2]. Как следствие, в юридический дискурс США инкорпорированы не только судебные документы, изначально основанные на устной речи (*case law / judicial decisions*), но и классические письменные юридические тексты – *enacted law* (законодательные акты): статуты, конституции и акты административного законодательства [Shapo et al 2015: 4]. Подобная «пикировка» США и Англии вполне могла выразиться в попытке США упростить свой юридический язык вопреки сохранившемуся до сего дня усложнённому юридическому стилю Великобритании (сатирически обыгранному, например, в романах Х. Филдинг о Бриджет Джонс и их экранизациях: «Что такое фригольд, основанный на манориальном обычае? Привилегированный копигольд»; «Какая фраза произносится во Внутреннем Темпле во время второй инсценировки судебного процесса в осеннем триместре? *Amas bibendo... Fructis*»).

Несмотря на то, что роль читателя изначально анализировалась преимущественно в связи с художественными текстами [Эко 2007], постепенно этот подход распространился и на тексты юридические [Павлов 2017: 209–210]. Более того, авторы американских пособий по юридическому письму подчёркивают, что юридическая деятельность неотделима от интенсивной письменной коммуникации с самыми разными категориями читателей: «*Yet lawyers write all the time. They write to colleagues; they write to clients; they write to adversaries in a law suit; they write to third parties requesting favors or information; they write to judges... To be a good lawyer, you must be a good writer. And to be a good legal writer, you must have both a good understanding of law and a good grasp of principles of writing*» [Shapo et al 2015: 3]. Вследствие этого, от студентов юридических факультетов в американских вузах требуется подтверждение стандартного минимума по владению навыками письменной

профессиональной коммуникации. Так, например, в упомянутом выше Вашингтонском колледже права действуют следующие требования к профессиональным компетенциям обучающихся: «*As a requirement for graduation from the Washington College of Law, all students must meet a minimum legal writing requirement after completion of their first year of legal study or part-time equivalent*»; в ходе дальнейшего обучения предполагается совершенствование этих навыков до уровня «*upper-level writing requirement*» [Catalog 2017: 47–48].

В рамках ориентации на читателя отчётливо прослеживаются две другие тенденции, непосредственно связанные с дискурсивными стандартами юридических текстов: это стремление к упрощению юридического языка (*plain English for lawyers*) и избегание оскорбительных / дискриминационных выражений (*avoiding offensive language*), что далеко не случайно. Ориентация на читателя, в том числе как на потребителя юридической услуги, выраженной в текстовом формате, предполагает максимально полное понимание соответствующей читательской аудиторией содержания и смысла адресованного ей юридического текста при минимальных герменевтических усилиях, ибо, как верно подметил американский юрист Кристофер Т. Латц (Christopher T. Lutz), «*you are no less a lawyer for being understandable*» [Garner 2016: 160]. Это требует своего рода «десакрализации» – упрощения существующего юридического языка, с тем чтобы качественный юридический текст в целом ничем не отличался от добротного написанного текста на обычном английском языке: «*Good legal writing should not differ, without good reason, from ordinary well-written English*» [Wydick 2016: 5]. Ещё в 1817 г. Т. Джефферсон сетовал на то, что при написании законопроектов его коллеги пользовались столь заумным языком, что понять смысл этих текстов могли только они сами [Wydick 2016: 3]. Спустя почти полтора столетия, в 1960-1970-х гг. в США бурно развиваются критические правовые исследования (*critical legal studies*), одной из целей которых является преодоление разрыва между кастой юристов и простыми людьми – потребителями их услуг: в силу ряда предшествующих и сопутствующих социально-экономических и политических факторов – Карибский кризис, печальные результаты войны во Вьетнаме, Уотергейтский скандал и т.п. – люди в целом стали внимательнее вникать в то, что хотят от них правительство и крупные корпорации, стараясь разобраться в дебрях бюрократического языка, включая юридический язык. На волне критических правовых исследований многие юристы сами потребовали упростить юридический язык, чтобы излишне не мистифицировать свою деятельность, не сбивать с толку клиентов и не отгораживаться от общественности: «*in writing as we do, we unnecessarily mystify our work, baffle our clients and alienate the*

public» [Wydick 2016: 4]. Спустя ещё двадцать лет, в 1998 г. президент США Б. Клинтон принимает постановление об упрощении юридического языка для органов власти (*Memorandum from President William J. Clinton to the Heads of Executive Departments and Agencies, June 1, 1998, 63 Fed. Reg. 31,885 (1998)*). В этом постановлении официально вводится понятие «*plain language*» (простой, доступный язык), впоследствии ставшее краеугольным камнем для многих пособий по юридическому письму и стилю: «*The Federal Government's writing must be in plain language. By using plain language, we send a clear message about what the Government is doing, what it requires, and what services it offers. Plain language saves the Government and the private sector time, effort and money*» [Wojcik 2016: 266]. *Plain language* включает четыре основных критерия: использование обычного разговорного языка (за исключением специальных технических терминов), использование личных местоимений, предпочтение активного залога пассивному и краткость (компрессия) предложений [Там же]; оптимальное количество слов в предложении не должно превышать 25 [Shapo et al 2015: 211]. Он противопоставляется так называемым «*legalese*» (юридическому жаргону) и «*lawyerisms*» («юридизмам») как «издержкам» традиционного юридического стиля, которыми не следует злоупотреблять. К «юридизмам» авторы пособий относят даже такие привычные для юридических переводчиков слова, как *aforementioned* («вышеупомянутый»), *whereas* («ввиду того что», «принимая во внимание» и т.п.), *hereinafter* («именуемый в дальнейшем») и т.п., поскольку эти слова придают текстам «юридический вид», но никак не влияют на содержание: «*They give writing a legal smell, but they carry little or no legal substance*» [Wydick 2016: 61]. Несмотря на сопротивление юридического сообщества, привыкшего писать и составлять документы «по старинке» («*good legal writing does not sound as though it had been written by a lawyer*» [Wydick 2016: 5]), *plain language* требуется и/ли усиленно рекомендуется при написании и составлении статутов (нормативно-правовых актов), постановлений и предписаний административно-правового характера, судебных решений, инструкций для присяжных, потребительских контрактов (включая договоры купли-продажи и т.п.), страховой деятельности, документации по ценным бумагам, материалов для избирательных кампаний и т.п. [Wydick 2016: 4].

В качестве одного из образцовых юридических текстов, написанных с учётом требований *plain language*, авторы пособий по юридическому письму и стилю до сих пор цитируют дело 1928 г., решение по которому вынес судья Бенджамин Кардозо (*Palsgraf v. Long Island Railroad Co., 248 N.Y. 339, 162 N.E. 99 (1928), written by Judge Benjamin Cardozo*). Решение этого судьи изложено таким языком, что читается почти как художественный текст: «*Plaintiff was standing on a platform of defendant's*

railroad after buying a ticket to go to Rockaway Beach. A train stopped at the station, bound for another place. Two men ran forward to catch it. One of the men reached the platform of the car without mishap, though the train was already moving. The other man, carrying a package, jumped aboard the car, but seemed unsteady as if about to fall. A guard on the car, who had held the door open, reached forward to help him in, and another guard on the platform pushed him from behind. In this act, the package was dislodged and fell upon the rails. It was a package of small size, about fifteen inches long, and was covered by newspaper. In fact it contained fireworks, but there was nothing in its appearance to give notice of its contents. The fireworks when they fell exploded. The shock of the explosion threw down some scales at the other end of the platform many feet away. The scales struck the plaintiff, causing injuries for which she sues» [Wydick 2014: 5].

В целях упрощения современного юридического языка в соответствии с критериями *plain language* предлагается ряд рекомендаций, в том числе:

- Избегать громоздких конструкций, заменяя их одним простым словом: *at that point in time (then); by means of (by); by virtue of (by / under); for the purpose of (to); in order to (to); in favor of (for); in connection with (with / about / concerning); in the event that (if); prior to (before); with reference to (about / concerning)* [Wydick 2014: 13];
- Избегать многословия: *the fact that she had died (her death); despite the fact that (although, even though); he was aware of the fact that (he knew); in the majority of instances the grantor will (usually the grantor will); disability claims are now more frequent than was formerly the case (disability claims are more frequent now)* [Wydick 2014: 15];
- Избегать пассивного залога и отглагольных существительных (номинализаций), предпочитая глаголы в активном залоге, чтобы подчеркнуть субъектов действия («*lawyers and bureaucrats love nominalizations. Lawyers and bureaucrats do not “act” – they “take action”. They do not “assume” – they “make assumptions”. They do not “conclude” – they “draw conclusions”*») [Wydick 2014: 25];
- Избегать избыточных языковых средств (дублетов и триплетов), образовавшихся в ходе исторического развития английского юридического языка [Wydick 2014: 20–21]: *true and correct; full and complete; free and clear; order and direct; alter or change; null and void; cease and desist; last will and testament; ready, willing and able; signed, sealed and delivered* [Garner 2016: 163–164]. Их необходимо сокращать до одного, наиболее простого слова.

Ещё одна важная тенденция юридического языка – избегание оскорбительных / дискриминационных выражений – закреплена в кодексе профессиональной этики юристов (*Rule 8.4 (d) of the ABA Model Rules of*

Professional Conduct) [Garner 2016: 272]. Она во многом обусловлена общественными движениями за предоставление равных прав и возможностей вне зависимости от пола, расы, этничности, вероисповедания, возраста, состояния здоровья, сексуальной ориентации и т.п. Спектр таких слов и выражений достаточно широк и не ограничивается одними сексизмами (проявлением дискриминации по признаку пола). Некоторые рекомендации приводятся ниже в таблице (составлено автором на материале [Shapo et al 2015; Garner 2016; Wydick 2014]).

Оскорбительные слова и выражения и рекомендуемые замены для использования в юридических текстах

Некорректное употребление	Рекомендуемая замена	Используемый приём
a Jew, a black, a gay, a deaf-mute	a Jewish child, a black woman, a gay man, a deaf and mute person	Подчёркивать личность, а не принадлежность к той или иной социальной группе
blacks and Asian-Americans	African-Americans and Asian-Americans	Использовать прописные буквы
mongolism; Siamese twins	Down's syndrome, sunshine kids; conjoined twins	Избегать соотнесения с этничностью
bastard, illegitimate child; handicapped	nonmarital child, child out of wedlock; disabled	Использовать эвфемизмы
If a man or a woman dies without a will, his or her property will be disposed of under the laws of intestate succession.	If a person dies without a will, the decedent's property will be disposed of under the laws of intestate succession.	Использовать гендерно нейтральное слово person без указания на половую принадлежность
A lawyer must affirm that he has truthfully advised his client.	Lawyers must affirm that they have truthfully advised their clients.	Использовать множественное число
An accused person must actively waive his right to speak to his lawyer.	An accused person must actively waive the right to speak to a lawyer.	Использовать артикли вместо местоимений
Each juror must think for herself.	As a juror, you should think for yourself.	Использовать местоимения второго лица вместо гендерно маркированных местоимений третьего лица.
Each plaintiff must file his suit separately, or else he will not be allowed to complain about the disparate treatment he has	If a plaintiff does not file an individual suit, the court will not hear his or her claim of disparate treatment.	Использовать дихотомию он/а (he or she) и приём синтаксической трансформации.

suffered.		
-----------	--	--

Представляется, что знание этих особенностей английского юридического языка и использование рекомендаций при переводе юридических текстов позволят переводчикам максимально приблизиться к узуальным нормам носителей языка при переводе на английский язык, в то же время упрощая поиск оптимального переводческого решения при переводе на русский язык.

ЛИТЕРАТУРА

Бородина А. В. Лингво-дискурсивные аспекты юридического текста как объект предпереводческого анализа // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. 2018. № 4. С. 192–198.

Бородина А. В. К вопросу о теоретико-методологических подходах к изучению юридического перевода // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2017. № 2. С. 37–47.

Киндеркнехт А.С. Особенности перевода юридических текстов // Учёные записки Орловского государственного университета. Сер. Филологические науки. 2015. № 5(68). С. 123–127.

Павлов В. И. Антропологическая концепция права и юридическая герменевтика: методологические параллели // Парадигмы юридической герменевтики / Под общ. ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2017. С. 207–218.

Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. Перев. с англ. и итал. С.Д. Серебряного. СПб.: «Симпозиум», 2007. 502 с.

Catalog 2017–2018. American University. Washington College of Law, Washington D.C. – AU WCL, 2017. 108 p.

Garner B. A. The Redbook: A Manual on Legal Style. 4th Reprint. WEST GROUP, 2016. 400 p.

Sarasin R.A. The Constitution of the United States: Foreword. The U.S. Capitol Historical Society, Washington D.C., 2014. P. 1–4.

Shapo H.S., Walter M.R., Fajans E. Writing and Analysis in the Law. Revised 5th ed. New York: New York Foundation Press, 2015. 561 p.

Wojcik M.E. Introduction to Legal English: an Introduction to Legal Terminology, Reasoning, and Writing in Plain English. 3d ed. International Law Institute, Washington D.C., 2016. 428 p.

Wydick R.C. Plain English for Lawyers. 5th ed. Carolina Academic Press, 2014. 173 p.